

УДК 281.9+323.35:351.853 (477.75)

**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО КРЫМА И ХЕРСОНЕС:
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА**

Калиновский В. В.

*Центр памятниковедения НАН Украины
E-mail: kalinovskiy@ukr.net*

В статье на основе архивных документов раскрываются взаимодействие выдающегося археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича и руководителей Таврической епархии. Особое внимание уделено деятельности епископа Николая (Зиорова) и его стремлению влиять на ход раскопок и организовать отдельный музей христианских древностей.

Ключевые слова: Таврическая епархия, Херсонес, К. К. Косцюшко-Валюжинич, охрана памятников.

История археологического изучения Херсонесского городища во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на активизацию научной работы в этом направлении в последнее десятилетие, по-прежнему изобилует белыми пятнами и не до конца решенными вопросами. Одним из них являются отношения многолетнего заведующего раскопками, члена Археологической комиссии и ряда других ученых учреждений, Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) и таврического православного духовенства. Первой на их сложность обратила внимание российская исследовательница А. И. Романчук [1]. В работах профессора А. А. Непомнящего была дана характеристика вклада К. К. Косцюшко-Валюжинича в исследование Херсонеса и создание Склада местных древностей [2]. Публикации современных исследователей, в частности, екатеринбургского ученого А. В. Шаманаева [3], посвящены преимущественно конфликтам ученого с Херсонесским монастырем и в них практически не уделяется внимания его сотрудничеству с высшими лицами Таврической епархии. Целью данной статьи является показать все многообразие отношений К. К. Косцюшко-Валюжинича с преосвященными на основании выявленных нами в архивах Крыма и Санкт-Петербурга документов и материалов епархиальной периодики.

За время заведывания К. К. Косцюшко-Валюжиничем археологическими раскопками в Херсонесе (1887–1907), Таврическую кафедру занимали следующие преосвященные: Мартиниан (Муратовский), Михаил (Грибановский), Николай (Зиоров) и Алексей (Молчанов). С каждым из них отношения у археолога складывались по-разному.

Более других (1885–1897) епархией руководил преосвященный Мартиниан (в миру – Михаил Семенович Муратовский). Родился он в 1820 году в Казанской губернии в селе Муратове в семье причетника. В 1842 году он окончил Казанскую духовную семинарию. С 1877 года Мартиниан возглавлял Камчатскую епархию,

проводя активную миссионерскую деятельность среди иноверцев. В 1885 году епископ был переведен в Крым. При его непосредственном участии были проведены следующие мероприятия: освящение возрожденного Черноморского флота 6 мая 1886 года, торжества, посвященные 900-летию крещения Руси, освящение памятника Екатерине II в Симферополе 18 октября 1890 года, празднование 1000-летия Георгиевского Балаклавского монастыря 14 сентября 1891 года [4].

Именно благодаря стараниям Мартиниана был разрешен самый масштабный конфликт между монастырским руководством и археологом, произошедший в 1895–1896 гг. Начавшийся после разбивки служителями обители земельного участка под виноградник, без предварительного согласования с Археологической комиссией, спор обострился после начала раскопок в районе площадки у храма Св. Владимира. Для разрешения конфликтного вопроса архиепископ Мартиниан назначил 21 сентября 1896 года члена Таврической духовной консистории и Таврической ученой архивной комиссии протоиерея А. Г. Назаревского. При его участии 24 сентября 1896 года был составлен согласительный акт между настоятелем монастыря архимандритом Александром и заведующим раскопками К. К. Косцюшко-Валюжиничем [5]. Каждая из сторон обязывалась уважать чужое мнение и согласовывать предполагаемые земляные работы.

В 1897 году место Мартиниана занял Михаил (Грибановский), бывший до того Тульским викарием. Его пребывание в Крыму было недолгим. 19 августа 1898 года епископ Михаил умер от туберкулеза, не успев как-либо подействовать херсонесским раскопкам.

Новый, очень насыщенный событиями, этап в истории отношений иерархов с К. К. Косцюшко-Валюжиничем начался с назначения на Таврическую кафедру епископа Николая. Преосвященный Николай (в миру – Зиоров Михаил Захарович) родился 21 мая 1851 г., в семье протоиерея Херсонской губернии в г. Новомиргороде. Первоначальное образование он получил в дворянской Златопольской гимназии, а по окончании ее еще и в Одесской духовной семинарии. В 1875 году Николай окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и 10 октября был назначен учителем Рязанской духовной семинарии. С 30 сентября 1883 г. он был исполняющим должность инспектора Вологодской духовной семинарии, а с 8 ноября 1885 г. – инспектором Могилевской духовной семинарии. 25 сентября 1887 г. будущий глава Таврической епархии принял постриг, 27 сентября рукоположен во иеродиакона, 1 октября – во иеромонаха и 16 ноября назначен ректором Могилевской духовной семинарии. 22 ноября 1887 г. Николай возведен в сан архимандрита. 30 мая 1889 г. он стал ректором Тифлисской духовной семинарии. Новое назначение произошло 29 сентября 1891 г., когда Зиоров был хиротонисан в епископа Алеутского и Аляскинского и отбыл в Северную Америку. 14 сентября 1898 г. он вернулся из США и был назначен епископом Таврическим и Симферопольским. 26 марта 1905 г. преосвященный был возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Тверским и Кашинским, но по состоянию здоровья на новую кафедру не поехал. С 8 апреля 1905 по 1908 год он находился на покое в одном из монастырей Таврической епархии. С 15 июля 1906 г. Николай состоял членом Государственного Совета от монашеского духовенства, куда был переизбран в 1912 г. Последним назначением в жизни иерарха стало случившееся 5 апреля 1908 г. назначение на Варшавскую и Привисленскую ка-

федру. Николай скончался 20 декабря 1915 г. в Петрограде. Был человек всесторонне образованный, одаренный богатыми способностями, прекрасно владевший даром слова, живой по темпераменту, учительный, непрестанно ревновавший о правде церковной и о благе своей паствы, убежденный и прямой, строгий и требовательный к сослуживцам и подчиненным и сердечно отзывчивый к бедным и обездоленным. В бытность свою в Рязани, Вологде, Могилеве и в Тифлисе работал во многих благотворительных учреждениях, попечительствах, братствах [6].

Вскоре после своего назначения, 21 июня 1899 г., епископ Николай приехал в Херсонес и в присутствии заведующего раскопками посетил Склад местных древностей, городище и часть некрополя. В книге для посетителей он оставил следующую запись: «Осматривал музей и скорбел, что у нас при Херсонесском монастыре доселе еще не сделано отделения для церковных вещей. Надеюсь, что со временем этот недостаток будет исправлен» [7]. Следует отметить, что эта идея стала для епископа Николая определяющей и не всегда способствовала поддержке взаимопонимания с Археологической комиссией.

Так, в 1901 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич не сумел своевременно начать раскопки по причине желания Николая о передаче всех церковных древностей, которые могут быть найдены, в учреждаемый христианский музей [8].

24 июня 1899 г. к владыке Николаю обратилось Одесское общество истории и древностей. Секретарь этой научной организации Алексей Иванович Маркевич сообщал, что еще 8 октября 1898 г. Общество просило настоятеля Херсонесского монастыря вернуть в свой музей те предметы, которые были найдены им при раскопках, проводившихся на субсидии от министерства народного просвещения и на собственные средства. Представитель ООИД также напоминал, что находки были пожертвованы обители для предполагаемого в свое время христианского музея в Херсонесе. Не получив ответа от руководства монастыря, Общество обращалась к Таврическому архиепископу с просьбой содействовать решению этого вопроса. Мотивами для возвращения находок были названы такие соображения:

1. Цель, для которой найденные вещи жертвовались монастырю, не осуществилась, об устройстве христианского музея речи не шло с тех пор, когда в 1888 г. ведение раскопками перешло в руки Археологической комиссии. С этого времени новые предметы в музей не поступали, а старые хранились в не самых удовлетворительных условиях.

2. Археологическую комиссию интересовали главным образом артефакты, найденные после 1888 г., и соединение монастырского музея со складом местных древностей не соответствовало ни интересам научного учреждения, ни интересам заведующего складом.

3. Знаменитая надпись Диофанта была затребована из музея Херсонесского монастыря для Эрмитажа. Усматривая в этом первый шаг к упразднению музея при обители, Общество считало нужным своевременно озаботиться, чтобы предоставленные им вещи не были высланы в другие музеи, и просило вернуть эти предметы в Одесский музей.

4. В связи с разрастанием Одесского музея и привлечением к нему внимания отечественных и иностранных ученых, а также с тем, что это учреждение обладает круп-

нейшей в Российской империи, после Эрмитажа, коллекцией южнорусских древностей необходимым виделось пополнение его фондов предметами из Херсонеса. Руководство Общества считало это безотлагательной потребностью с научной точки зрения.

А. Маркевич подчеркнул, что и по другим причинам упразднение музея при монастыре может являться желательным. На отношение Общества последовала следующая архипастырская резолюция: «Ответить, что я не могу отдать этих вещей в виду намерения открыть отделение церковного музея при соборе в Херсонесе» [9].

26 июня 1899 г. Таврический преосвященный обратился в Святейший Синод со следующим представлением:

«С 1888 года при Херсонесском Таврическом монастыре производятся раскопки членами Археологического общества, представитель которого – Косцюшко и живет при Херсонесском монастыре. Раскопки производятся очень удачно: в настоящее время уже пятая часть города обнаружена; открыты улицы, дома, храмы, а вместе с этим и множество весьма ценных вещей – не только в историко-археологическом смысле, но и как вообще святыни. До настоящего времени обнаружено 37 храмов; в одном из них найден престол, а под престолом ковчег с частицами мощей; находят кресты, кадилницы, разного рода сосуды, иконы и проч. Между тем все эти вещи, по усмотрению г. Косцюшко отправляются то в Эрмитаж, то в Москву, то в другие места. Случается так, что вещи берутся разрозненно, напр. серебряный ковчег отослан в Эрмитаж, а мощи, там хранившиеся, отданы в Херсонесский монастырь. Я полагаю, что подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным.

Имея в виду все это, а также в целях охранения святыни, я полагаю бы устроить при Херсонесском монастыре особое хранилище для откапываемых святынь, и таковые ни под каким видом не отдавать в разного рода музеи. Если факт влияния Корсуна на Киевский период нашей истории и многое в нашей церковной жизни – неоспорим, то полагаю, что для нашей церковно-исторической науки не должно быть безразлично, где и как будут храниться такие драгоценные вещи, как те, которые были доселе найдены. Я полагаю, что в скором времени будут открыты еще более ценные предметы, если только мое предположение не ошибочно, что в открытых развалинах был монастырь, в котором жил архиепископ Херсонеса и где также была усыпальница епископов. Было бы желательно, в интересах церковной археологии, командировать сюда профессора Петербургской духовной академии Н. В. Покровского» [10].

В словах Николая обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, ошибочно названа организация, занимающаяся проведением археологических раскопок в Херсонесе – вместо Археологической комиссии в представлении названо Археологическое общество. Во-вторых, глава Таврической епархии попытался монополизировать право на распределение христианских святынь Херсонесского городища, к отысканию которых монастырь не имел в то время прямого отношения. В-третьих, преосвященный Николай попытался, без предварительного согласования с Археологической комиссией, привлечь к участию в исследованиях других ученых. Неудивительно, что 6 октября 1899 г. на страницах газеты «Крымский вестник» по просьбе К. К. Косцюшко-Валюжинича появился материал, где ученый комментировал утверждения владыки. Карл Казимирович заявлял, что раскопки в Херсонесе ведутся Археологической комиссией и только от нее зависят

официальные командировки ученых для производства работ и их осмотра в Херсонесе. Исследователя удивляло, что в обход Комиссии, в Херсонес вызывался известный знаток византийских древностей профессор Н. В. Покровский, который состоял в этой научной организации с 1892 г. Также заведующий раскопками отмечал, что «это же недоразумение на продолжительное время затормозит осуществление одного симпатичнейшего проекта, который одинаково затрагивает как интересы монастыря, так и Императорской Археологической комиссии» [11].

12 августа 1899 г. исполняющий обязанности обер-прокурора Синода сенатор В. К. Саблер обратился к министру императорского двора. Он сообщал о ходатайстве архиепископа Николая и о принятом по этому поводу решении Синода:

«Обсудив изложенное и признав учреждение при Херсонесском монастыре древлехранилища желательным, а с другой стороны приняв во внимание, что означенные раскопки проводятся по распоряжению Императорской археологической комиссии, Святейший Синод, определением 16-30 минувшего июля за №2822, постановил просить отзыва Министерства императорского двора, не признано ли будет возможным сделать распоряжение, чтобы священные предметы, находимые при раскопках, производимых Археологической комиссией близ Херсонесского монастыря, не были пересылаемы за пределы Таврической епархии, а оставлялись для хранения в учреждаемом при этом монастыре церковном древлехранилище» [12]. В. К. Саблер просил почтить его отзывом по указанному вопросу.

В своем обращении в канцелярию министерства императорского двора №1928 от 2 ноября 1899 г. председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринской указывал, что не стоит видеть в раскопках Херсонеса частную инициативу и работу на частные средства, что допускало бы критику со стороны не причастных к исследованию лиц и их вмешательство в распределение найденных предметов по древлехранилищам государства. Руководитель Комиссии подчеркивал, что исключительно эта организация по высочайшему повелению занимается археологическим исследованием Херсонеса и, как правительственное учреждение, отчитывается в своих действиях исключительно перед высшей властью. В соответствии с этим был решен вопрос о распределении находок. Чтобы сделать полученный в ходе раскопок материал доступным более широкому кругу научных исследователей, необходимо было рассредоточить его в центральных музеях. Дубликаты и громоздкие вещи решено было оставлять в Херсонесе, для чего и был создан Склад местных древностей [13].

Выводы А. А. Бобринского для духовенства были неутешительны: «Учреждение при Херсонесском монастыре особого Музея для «священных предметов», предполагаемое преосвященным Николаем, представляло бы значительные неудобства. Не говоря уже о том, что Херсонесский монастырь вовсе не располагает научными специально подготовленными силами, которым могло бы быть вверено управление Музеем без ущерба для науки; нельзя не обратить внимание на то, что если бы в это Музей поступали все предметы церковного обихода в Херсонесе, этим еще сильнее раздроблялись бы находки и в значительной степени затруднялась бы научная их обработка. Наконец, нельзя не заметить, что предметов, являющихся действительно «святыней» для Православной церкви, в Херсонесе находится весьма мало. Создавать для них особый Музей представляется, по-видимому, излишним.

Если такие предметы будут находимы, то Императорская археологическая комиссия готова передавать их в Херсонесский монастырь для хранения их в ризнице храма Св. Владимира и в каждом отдельном случае будет испрашивать на то высочайшее соизволение. Во всяком случае, если и возможно в Херсонесе учреждение особого склада христианских древностей, то только в качестве отделения общего склада Императорской археологической комиссии и под единственным и непосредственным ведением лица, заведующего раскопками Херсонеса» [14].

Канцелярия обер-прокурора Синода обратилась в Комиссию 9 ноября 1900 г. с просьбой уведомить о последовавших распоряжениях по вопросу устройства христианского музея, на что 16 ноября 1900 г. последовало ответное отношение за №1922, которое повторяло выводы А. А. Бобринского [15].

Несмотря на отказ Комиссии реализовать пожелание архиепископа Николая, К. К. Косцюшко-Валюжинич, более других заинтересованный в компромиссном решении вопроса, подготовил так и нереализованный «Проект устройства Отделения музея для церковных предметов в нижнем помещении храма в память св. Владимира» [16]:

«На основании пункта 3го Высочайше одобренных предварительных предположений о мерах к сохранению остатков древнего Херсонеса, выработанных г. министром народного просвещения, г. обер-прокурором Святейшего Синода и г. председателем императорского Русского археологического общества и сообщенных севастопольскому градоначальнику «к точному и не уклонному исполнению» временным одесским генерал-губернатором 22го июня 1887 г. за №1744м: «для предметов найденных и имеющих быть найденными в Херсонесе должен быть устроен музей и охранение его вверено заслуженным ветеранам-воинам, под управлением специалиста-археолога», из чего ясно видно, что все, без исключения, древности, найденные, как во время систематических раскопок, производящихся с 1888 года Императорской Археологической комиссией, так равно и во время периодических раскопок, предпринимавшихся до 1888 года разными учеными учреждениями, обществами и лицами, должны храниться при местном музее, недостаточно обширное помещение которого препятствовало до сего времени перенесению в него тех древностей, которые, как найденные до 1888 года, временно хранятся при монастыре.

В настоящую минуту, благодаря просвещенному желанию Преосвященного Николая, епископа Таврического и Симферопольского, устроить при храме Св. Владимира в Херсонесе отделения музея специально для церковных вещей, является возможность привести в исполнение пункт 3ий Высочайше одобренных предположений, так как с перенесением в нижнее помещение храма церковных памятников, в нижнем помещении музея освободится много места для принятия из монастырского склада всех древностей, не предназначенных для составляемого отделения музея.

1. Учреждаемое при храме св. Владимира в Херсонесе отделение музея будет заключать в себе исключительно церковные вещи, как-то иконы; образки, кресты разного назначения, ставники, лампы, кадильницы, части всех этих вещей; мраморные переносные купели; надгробные памятники священнослужителей с надписями, а из архитектурных частей храмов небольшие мраморные капители с крестами, куски двустороннеорнаментированных иконостасных плит, подбор половой и стеновой мозаики и вообще не громоздкие, удобные для хранения внутри собора, архитектурные фрагменты.

2. Выбор памятников для отделения музея производится Императорской археологической комиссией, причем г-ну настоятелю монастыря предоставляется право просить Комиссию о передаче в отделение тех древностей, которые, по его мнению, неправильно оставлены при главном складе.

3. Для достижения возможно сильного впечатления на посетителя отделение музея должно стремиться не к нагромождению во множестве однородных вещей, но к наибольшему разнообразию, к правильному размещению предметов в шкафах, витринах и у стен и к содержанию их в безукоризненном порядке и чистоте.

4. При отделении должен продаваться в пользу монастыря печатный указатель всех памятников, составленный г. заведывающим раскопками и одобренный Императорской археологической комиссией.

Те из отцов, коим будет поручаемо заведывание отделением, обязаны при своих объяснениях строго руководствоваться этим указателем, без всяких, с их стороны, добавлений и предположений.

5. Дальнейшее расширение отделения музея зависит исключительно от Императорской археологической комиссии и может иметь место после обычного ежегодного распределения, найденных во время раскопок, древностей между Императорским Эрмитажем и историческими музеями.

6. Императорская Археологическая комиссия оставляет за собой право пересылать из отделения в Эрмитаж или в исторические музеи те из памятников, которые по их особенному значению, должны находиться при названных хранилищах.

7. Для всех ученых, учащих и учащихся, желающих специально изучать церковные древности, должен быть открыт свободный доступ к их описанию и к снятию с них фотографий, рисунков и эстампажей.

8. На обязанности г. заведывающего раскопками лежит периодическое посещение отделения музея, причем о всяких замеченных им отступлениях от утвержденных правил, он должен доводить до сведения г-на настоятеля монастыря.

9. На основании пункта 7-го акта, подписанного 27 сентября 1896 г. членом Таврической духовной консистории, протоиереем Назаревским; г. настоятелем Херсонесского монастыря, архимандритом Александром и г. заведывающим раскопками Косцюшко-Валюжиничем, все древности, все древности, случайно находимые при производстве хозяйственных работ в монастыре, должны быть передаваемы под расписку г-ну заведывающему раскопками. Правило это остается в силе и с открытием отделения музея и должно строго соблюдаться всей братией монастыря (*).

10. При отделении музея должна быть составлена библиотека, которая заключала бы в себе описание раскопок вообще и специальные труды наших ученых по церковным древностям. По стенам должны быть развешаны планы и виды главнейших христианских храмов, открытых в Херсонесе и фотографические снимки с важнейших памятников этой эпохи, хранящихся в столичных музеях.

11. Было бы желательно, чтобы при отделении продавались в пользу монастыря брошюры о Херсонесе, фотографические снимки и копии с древних образов и предметов, найденных при раскопках городища.

(*) Правило это ныне не соблюдается, и иеромонахом отцом Кириллом не представлена г-ну настоятелю монастыря для передачи г-ну заведывающему раскопками золотая монета Василия I и Константина IX, найденная на винограднике).

Поводом для новых разногласий между епископом Николаем и археологом стала статья А. Хазарского «Русская Троя» в газете «Московские ведомости». Журналист посетил Херсонес, пронаблюдал за ходом раскопок и пообщался с К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Внимание сотрудника газеты привлекло место остановки работ возле монастырской стены. Между ним и ученым произошел следующий диалог:

«– Но неужели монастырское начальство не интересуется раскопками? Ведь, в конце концов, даже сам монастырь обязан своей славой этим же раскопкам, открывшим предполагаемое место крещения Св. князя Владимира?»

– Да, монастырские тоже интересуются раскопками: в монастыре вы увидите скамьи, покрытые мраморными плитами, добытыми в развалинах Херсонеса, а монахи, бродя по развалинам, часто находят разные мелкие вещицы и сбывают их богомольцам...

– Но если бы вы поговорили с настоятелем – я не могу себе представить, чтобы просвещенный монах – именно монах – не пожелал бы содействовать, чем может, раскопкам, восстанавливающим один из трех-четырех известных миру древних городов, тем более, такой город, как Херсонес, представляющий своего рода археологический Пантеон: ведь здесь на языческом пласте лежит пласт христианский!.. Над развалинами храма Девы могут оказаться интереснейшие и важнейшие христианские развалины, между языческими урнами и стелами могут найтись древние иконы первых веков и даже – кто знает? – мощи свв. великомучеников, пострадавших здесь за веру?»

– Все это так, отвечал К. К. Косцюшко и вы напрасно думаете, что я не говорил с настоятелем монастыря: говорил я с ним и выставлял ему на вид всю важность, даже необходимость дальнейших раскопок именно с точки зрения христианской археологии, но ничто на него не действует...

– Так чем же он мотивирует свой отказ?

– Разными техническими соображениями... Прежде всего, я говорил с ним о необходимости вести дальше траншею, которая открыла бы нам древнюю оборонительную стену Херсонеса и обнажила бы семейный склеп, который заключал в себе целый музей...».

Далее Карл Казимирович привел описание своего разговора с руководством Херсонесской обители, которое демонстрирует корыстные интересы духовенства в вопросе решения недоразумений в ходе ведения археологических работ:

«– Ну, вот слушайте: настоятель монастыря говорит мне:

– Вам нужна траншея, а мне нужна дорога, по которой въезжают в монастырь, а так как ваша траншея должна перерезать мою дорогу, то я вам и не разрешу ее продолжать...

– Так, ведь можно же мост выстроить через траншею, говорю я ему.

– А вот вы мне дайте денег на постройку этого моста – тогда и ройте... А что я вам мешаю – это я знаю, только это не моя вина: монастырь ведь не я строил... Дайте денег, я и траншею разрешу и даже монастырскую стену снесу!..» [17].

Возмущенный публикацией епископ Николай 24 октября 1902 г. обратился в Археологическую комиссию [18]. Он обращал внимание научного учреждения на следующее: «Сообщенные г. Хазарскому сведения о монастырских отношениях к г.

Косцюшке неверны и в высшей степени оскорбительны для меня. Я всегда с любовью относился и отношусь к науке вообще, и к истории с археологией в частности. Сам лично указал господину Косцюшко восемь мест в ограде монастыря для раскопок и, по его желанию, сделал даже это официально, в особой бумаге, на имя монастырского управления. Что касается скотного двора и монастырской гостиницы, которые г. Косцюшко желательно уничтожить или перенести на другое место, в целях сделать там раскопки, то я просил его повременить этим делом, ввиду того, что у монастыря теперь нет решительно никаких средств на такое большое дело, обещая в будущем перенести скотный двор на другое место. Впрочем, позволил ему даже прежде перенесения двора пройти плантажем усадьбу эту нынешним летом. К сожалению, г. Косцюшко этого не сделал, как не сделал раскопок и в указанных мной местах внутри монастырской ограды. Переносить же нам святые ворота и устроить мост, как это планирует г. Косцюшко, решительно невозможно, ибо это потребует больших денег. Все это было выяснено мной лично г. Косцюшко и я, поэтому, глубоко огорчен и оскорблен его сообщениями г. Хазарскому.

Кроме всего этого, считаю долгом обратить внимание Археологической комиссии еще на одно обстоятельство, требующее особого внимания – это на отношение г. Косцюшко к раскапываемым могилам христиан, а также и вообще к церковной святыне. Г. Косцюшко выбрасывает кости из могил прямо в мусор, забывая, что это по правилам святой церкви называется оскорблением святыни и влечет за собой отлучение от св. причастия на десять лет. В последнее время, докладывая при мне государю, что в катакомбах, им раскрытых, было 58 погребений первых христиан (и, быть может, священномученика Василия), он не сказал того, что все эти кости он святотатственно выбросил в мусор. А для нас, православных христиан, эти кости составляют святыню. Я просил бы поэтому Археологическую комиссию, чтобы она сделала распоряжение – впредь костей не выбрасывать куда попало, а собирать их в ящик и относить на монастырское кладбище, где они и будут предаваемы земле по христианским правилам. Желательно еще, чтобы вынимаемые в христианских храмах священные предметы, были извлекаемы руками священников и отдаваемы в монастырь на хранение, а не оставались бы в музее наравне с языческими реликвиями».

В ноябре того же года К. К. Косцюшко-Валюжинич ответил на все обвинения преосвященного Николая в своем письме в археологическую комиссию. Он отметил, что хотя фельетон А. Хазарского и написан на основании его слов, однако передает их в сильно искаженном виде и не содержит ничего оскорбительного для епископа. Археолог также уточнил, что все негативные высказывания относились к бывшим настоятелям монастыря, «явно враждебные отношения которых к делу раскопок всем хорошо известны и не раз осуждались самим преосвященным Николаем». Исследователь напоминал, что идея исследования Херсонесского городища принадлежит не духовному лицу, а лично ему, что подтверждается написанным К. К. Косцюшко-Валюжиничем заявлением от 1901 г. с резолюцией епископа относительно участков ведения работ и передачи будущих находимых христианских древностей в монастырское древнехранилище. Указывая на невозможность выполнения такого пожелания, заведующий раскопками также высказал мнение, что монастырь своими постройками и деревьями сильно затрудняет будущие работы, сро-

ки которых должна определять только Археологическая комиссия. Очень эмоционально Карл Казимирович высказался по поводу внезапности обвинений главы епархии, после положительной записи в книге для посетителей и самых лестных отзывов в беседе с митрополитом Антонием:

«И вдруг, после высочайшего обозрения того же храма, раскопка которого вызвала столь восторженный отзыв епископа, его преосвященство резко изменяет обо мне свое прежнее мнение и вместо ревнителя православия видит во мне ожесточенного средневекового татарина, «святотатственно выбрасывающего в мусор кости древних христиан»» [19].

Археолог отметил, что все находимые останки погребаются в специальной братской могиле. Также он уточнял, какие именно находки можно считать «священными древностями». Если все предметы церковной утвари и принадлежащие древним храмам, то, по мнению ученого, потребовалось бы создавать специальную систему раскопок. По словам К. К. Косцюшко-Валюжинича, за пятнадцать лет раскопок им был обнаружен всего один действительно «священный предмет» в – серебряный ковчег с мощами неизвестного святого, который был передан в собор Св. Владимира.

Представляет интерес вышеупомянутый отзыв епископа Николая о херсонесских раскопках, записанный в книге для посетителей музея в 1902 г.:

«С величайшим удовольствием и с глубочайшим интересом рассматривал вновь открытый храм с катакомбами и пещерами христианскими IV и V вв., пил и воду из колодца, которому более 1000 лет. Мыслью переносился в прошедшие века, когда здесь жизнь была ключом и люди славили Бога одинаково с нами, живущими в XX столетии. Душа моя переполнилась самых возвышенных чувств при виде этой седой древности христианской культуры! Полагаю, что в интересах не только науки христианской, но и просто в целях воспитательных, следовало бы всю эту древность оградить и накрыть, дабы она предохранилась и от стихий природы и от действий людей невежественных.

Честь и благодарение К. К. Косцюшко за его труд на пользу науки; желательно бы видеть такое же отношение к сему делу и всех тех, кому дороги интересы православия кто сверх всего этого имеет еще власть и средства помогать добром делу» [20].

6 октября 1902 г. глава Московского археологического общества графиня П. С. Уварова обратилась к императору Николаю II с запиской «о нуждах многострадального Херсонеса». В ней она указывала на недостаток мер по сохранению древностей, предпринимаемых К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Прасковья Сергеевна также крайне неодобрительно отзывалась о местной обители: «Главное несчастье Херсонеса – это существование на его развалинах монастыря, состоящего по обыкновению из подбора грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не пригодных людей» [21]. Спасение памятников исследовательница видела в ликвидации обители и передачи всех ее построек в ведение археологических учреждений. В ответ на это заявление П. С. Уваровой, председатель Археологической комиссии А. А. Бобринской обратился с письмом к министру императорского двора В. Б. Фредериксу, где, в частности, подчеркнул, что в научном отношении Херсонес «переживает весьма блестящую эпоху» [22]. Не отрицая в деятельности монастыря отдельных моментов, негативно влияющих на исследование прошлого, руководитель археологической органи-

зации призвал найти компромиссное решение. Во многом таким решением стал составленный К. К. Косцюшко-Валюжиничем «Проект возможного благоустройства Херсонесских раскопок без нарушения интересов монастыря и военного ведомства, заключающийся в мерах охранения уже открытых сооружений и памятников и в выяснении плана дальнейших систематических исследований городища и некрополя» [23]. В этом документе высказывался ряд предложений по оптимизации ведения исследований. Основное пожелание Карла Казимировича было сформулировано следующим образом: «Нет, все еще может измениться к лучшему, если только монастырь будет существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря!» [24].

С назначением в 1905 г. на Таврическую кафедру архиепископа Алексия (Молчанова) отношения духовенства и К. К. Косцюшко-Валюжинича наладились. Вероятной причиной этого можно назвать теплую встречу с археологом во время первого визита Алексия в Херсонес. Между иерархом и ученым состоялся следующий диалог:

«Очень рад встретить Вас, как бывшего ректора духовной академии и потому могущего помочь делу нашей науки», сказал мне г. Косцюшко. «Да, да», – и ответил я [Алексий] ему, «как же, в аттестате имею круглую пятерку по археологии, недавно избран почетным членом Константинопольского археологического института, но все-таки у Вас буду снова учиться вашей науке» [25]. Действительно, в документах Археологической комиссии за это время не фиксируется жалоб заведующего раскопками на духовенство. Такое положение сохранялось до смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 г.

Таким образом, отношения К. К. Косцюшко-Валюжинича и Таврических иерархов складывались неоднозначно. Понимание необходимости охраны Херсонесского городища соседствовало с желанием монополизировать право использования находимых христианских древностей. Особенно ярко это проявилось во время руководства епархией преосвященного Николая (Зиорова). В это период было сделано несколько попыток взаимной организации раскопок и устройства церковного древлехранилища, которые, однако, не были реализованы. Тем не менее, в решении всех недоразумений прослеживается стремление К. К. Косцюшко-Валюжинича оптимизировать проведение археологических исследований, учитывая при этом мнение духовенства.

Список литературы

1. Романчук А. І. К. К. Косцюшко-Валюжинич, 1847–1907 рр. / А. І. Романчук // Археологія. – 1991. – № 2. – С. 111–121.
2. Непомнящий А. А. Розвиток історичного краєзнавства в Криму в 2-й половині XIX – початку XX століть : автореф. дис... канд. іст. наук / А. А. Непомнящий / 07.00.02 – історія України; Дніпропетровський держ. ун-т. – Дніпропетровськ, 1994. – 21 с.; Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века) : библиографическое исследование / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
3. Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя / А. В. Шаманаев // Документ. Архив. История. Современность: Сб. научн. тр. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 4. – С. 251–261; Шаманаев А. В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. / А. В. Шаманаев // Там же. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 5. – С. 384–394.
4. Сердобольский А. Пятидесятилетний юбилей преосвященного Мартиниана, епископа Таврического и Симферопольского / А. Сердобольский // Таврические епархиальные ведомости. – 1892. – № 23. – С. 1129–1146.

5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. 118, оп. 1, д. 2499, л. 1–36.
6. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 102, ед. хр. 436, л. 65–65 об.
7. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО), ф. 1, (1899 г.), д. 4, л. 122.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, (1901 г.), д. 5, л. 28.
9. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 2499, л. 34–35.
10. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, (1899 г.), д. 197, л. 2 об–3.
11. Там же, л. 7–8.
12. Там же, л. 2–2об.
13. Там же, л. 9–9 об.
14. Там же, л. 10–10 об.
15. Там же, л. 11–12.
16. Там же, л. 5–6.
17. ИИМК РАН НА РО, ф. 1., (1902 г.), д. 2, л. 139.
18. Там же, л. 140, 140 об., 142.
19. Там же, л. 173–176.
20. Там же, л. 177.
21. Там же, л. 145–145 об.
22. Там же, л. 149.
23. Там же, л. 155–159.
24. Там же, л. 159.
25. Алексей. Первое мое знакомство с Таврической епархией: Путевые заметки / Алексей // Таврические епархиальные ведомости. – 1905. – № 12. – С. 846–853.

Каліновський В. В. Православне духовенство Криму і Херсонес: маловідомі сторінки історії дослідження пам'ятки / В. В. Каліновський // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 76–87.

У статті на основі архівних документів розкривається взаємодія видатного археолога К. К. Косцюшка-Валюжинича та керівників Таврійської єпархії. Особливу увагу приділено діяльності єпископа Миколи (Зіорова) і його прагнення впливати на хід розкопок і організувати окремий музей християнських старожитностей.

Ключові слова: Таврійська єпархія, Херсонес, К. К. Косцюшко-Валюжинич, охорона пам'яток.

Kalinovskyi V. V. Orthodoxy clergy of Crimea and Hersonissos: unknown pages of research facility / V. V. Kalinovskyi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 76–87.

The article, which based on archival documents, reveals interaction famous archeologist K. Kosciusko-Valyuzhinich and leaders of Taurical diocese. Particular attention is paid to the activities of Bishop Nikolai (Ziorov) and his efforts to influence the course of excavations and organize a separate museum of Christian antiquities.

Keywords: Taurical diocese, Hersonissos, K. Kosciusko-Valyuzhinich, protection of cultural heritage.

Поступила в редакцію 01.10.2010 з.